
И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Пройдя во второй половине XX в. через социалистический эксперимент, серию кризисов и системную трансформацию, страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы вплотную подошли к решению задачи создания и совершенствования социального правового государства. Они с разной степенью успеха сумели преодолеть на этом пути препятствия первых двух кризисных десятилетий XXI в. и приобрели богатый, бесценный, общезначимый опыт борьбы за лучшее будущее.

Ключевые слова: социальное государство, Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа, системные трансформации, посткризисное развитие.

После Второй мировой войны стартовым пунктом оформления модели социального государства в регионе Центрально- и Юго-Восточной Европы стало конституционное закрепление ценностей социального государства, принципов и функций, традиционно относимых к сфере его компетенции. В результате принципы социальной направленности экономической политики (включая бюджетную), социальной ответственности государства, социального партнерства и национальной солидарности оказались наиболее разработанными как в конституциях стран, закрепивших эту норму в той или иной формулировке, так и в странах, не имеющих такого закрепления, но относимых к государствам с социальной рыночной экономикой.

На этой основе произошло становление основных компонентов системы социального государства: властных учреждений, служб, общественных организаций, законов, нормативных документов и т. д. В социальной сфере предлагаемые меры в том или ином объеме включали: ликвидацию безработицы и профессиональную переквалификацию рабочих; оптимизацию трудового процесса и участие

рабочих в управлении производством через наблюдательные советы и путем включения в правление своих представителей; выпуск народных акций и наращивание жилищного строительства, наполнение рынка товарами и прочее. В число приоритетных долгосрочных задач входило финансирование образования и науки, культуры и здравоохранения, пенсионного обеспечения и транспорта.

Большинство стран «социалистического содружества» Центрально- и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) столкнулись с существенными социальными проблемами и пытались их решать еще в 1950–1980-е гг. Они проходили в это время через периодические кризисы, вынуждавшие преодолевать негативные последствия просчетов партийно-государственного руководства путем проведения самых необходимых, назревавших реформ. В этот период для населения региона стали нормой снижение жизненного уровня и рост бедности, падение уровня потребления, безработица и утрата большого числа социальных гарантий. На рубеже 1980–1990-х гг. в странах региона имело место дальнейшее обострение социальных проблем. На начальном этапе системных трансформаций национальный доход на душу населения стран ЦВЮВЕ продолжал снижаться, хотя первыми вступавшие в ЕС в мае 2004 г. Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия в основном сохраняли стартовый уровень периода социально-экономических реформ, а Венгрия и Польша – возможность удовлетворять базовые потребности населения. За обвал «реального социализма» и довольно болезненный переход на рыночные рельсы, связанный с разрушением прежней малоэффективной административно-командной системы и заменой ее новой, основанной на совершенно иной хозяйственной логике рыночной системой, население платило высокую социальную цену, переживая девальвацию общественных и индивидуальных ценностей, подрыв убеждений, потерю ориентиров, социальную и экономическую незащищенность (Глинкина, Чубарова 2005: 13).

1990-е гг. Начало реформ и первые трудности

В первой половине 1990-х гг., в ходе «бархатных революций», идеи и процессы формирования социального государства стали распространяться на европейские постсоциалистические страны – Венгрию, Польшу, Словакию, Чехию и другие, затем и на страны СНГ.

В ЕС с принятием Лиссабонской стратегии (2000 г.) путь к интеграции социальной политики был открыт. Процесс подготовки к вступлению в Евросоюз для стран-кандидатов региона совпал по времени с формированием в ЕС элементов координации социальной политики на государственном уровне.

Ситуация в странах ЦВЮВЕ в первые годы системных трансформаций продолжала ухудшаться. Далеко не сразу начавшийся экономический рост не трансформировался в адекватное повышение реальной заработной платы. Оплата труда резко упала. В 1991 г. она была относительно высокой только в Польше, превышая аналогичный венгерский показатель на 10 %, Чехословакии – на 15 %, Болгарии, Румынии и Югославии – примерно на 50 % (Rzeczpospolita 1992). Через два года в большинстве стран жизненный уровень еще больше снизился (кроме Польши и Чехии – в последней он даже вырос). В 1994 г. 20–30 % жителей Вышеградской группы и около половины населения остальных стран региона имели доходы ниже прожиточного минимума. Только со второй половины 1990-х гг. в тех странах, которые преодолели трансформационный спад в экономике, заработная плата стала расти, превысив дореформенный уровень в Чехии, Польше и Словении. Однако в Юго-Восточной Европе она по-прежнему отставала. В Болгарии, например, она была в два раза ниже, чем до начала реформ. В большинстве стран доля социальных выплат (кроме пенсий) сократилась (особенно в образовании и здравоохранении) в два раза и более. Если Лиссабонская повестка дня ЕС (март 2005 г.) ориентировала на занятость 70 % населения, то даже в относительно благополучной Венгрии работу имели только 57 % населения в возрасте 15–65 лет. Молодежь поздно входила в трудовой возраст, редко совмещала обучение и работу, которую была вынуждена искать много месяцев и соглашаться на низкие ставки (Csaba 2006: 11). Резко сократилось государственное финансирование высшего, среднего и низшего специального образования (Глинкина, Чубарова 2005: 14). К этому времени в двух субрегионах четко выявились две разнонаправленные тенденции перемен: в отличие от субрегиона Юго-Восточной Европы, страны которого явно запаздывали в деле системного трансформирования, в большинстве стран Центрально-

Восточной Европы и в Словении экономические преобразования стали ускоряться.

Общие направления преобразования социальной сферы в странах-кандидатах ЦВЮВЕ были заданы самим ходом и задачами процесса трансформации. Они состояли, во-первых, в экстренных действиях по преодолению негативных социальных последствий трансформационного спада и структурной перестройки экономики и, во-вторых, в создании новых институтов, обеспечивающих адаптацию работы организаций, социальных структур и систем ценностей к условиям рыночной экономики. Они были нацелены на формирование гибкого рынка труда, системы образования, которая обеспечивала бы подготовку кадров необходимой квалификации, системы социального обслуживания, соответствующего потребностям различных слоев населения, публичных и частных систем для страхования социальных рисков, сопровождающих человека в течение всей его жизни, а также социальной помощи бедным слоям населения. В меморандумах об интеграции, подписываемых каждой страной-кандидатом в соответствии с положениями договора о вступлении в ЕС, были отражены стоявшие перед этими странами основные проблемы – в отношении противодействия бедности и социальной маргинализации, когда человек оказывается в сложной ситуации в связи с отсутствием работы, дискриминируется по какому-либо признаку, не обладает необходимым уровнем квалификации, имеет низкие доходы, плохие жилищные условия, находится в криминализованной среде, страдает от тяжелых заболеваний или распада семьи. Основная цель этих меморандумов состояла в подготовке стран-кандидатов к широкому использованию норм законодательства Евросоюза, применяемых в соответствии с принципом субсидиарности, позволяющим странам-членам, опираясь на опыт других стран, эффективно адаптировать свою политику к достижению согласованных целей ЕС с учетом национальной специфики. К общим целям европейской стратегии социальной интеграции были отнесены: содействие трудоустройству и обеспечение всеобщего доступа ко всем ресурсам, товарам и услугам; противодействие рискам социальной маргинализации; помощь наиболее уязвимым слоям населения; обеспечение эффективной координации действий и мобилизация для достижения этих целей всех воз-

можных структур, уровней управления и институтов. Только в 2006 г. к этим целям были добавлены построение доступных, эффективных и финансово устойчивых систем пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания. Принятие этих мер означало последовательные шаги по адаптации социальной политики государств, впоследствии – новых членов, к общеевропейскому процессу. Этот курс усиливал привлекательность Евросоюза для готовившихся вступить в него стран. Продолжалась разработка концепции социальной политики, которая помогла установить баланс между экономическим и социальным развитием посредством пересмотра ее оснований и целей, перехода от узко административной к более широкой социальной ориентации, более тесной корреляции с процессами экономического развития.

Итогом нескольких лет усилий по демократизации общественного строя во всех странах ЦВЮВЕ стали новые конституции, в которых было закреплено изменение роли государства и его функций. Перестройка институтов власти происходила спонтанно и в основном сверху, с изменением соотношения элементов терявшего прежние несущие конструкции государства. Происходила диверсификация власти, прежняя форма которой не исчезла полностью – глобализация вела к ее деконструкции и созданию новых конфигураций, сложного взаимодействия прежней чиновничьей и новой партийной бюрократии. В результате взаимодействия глобализации и трансформации возникали новые проблемы. А использование в первой фазе трансформации прежних, унаследованных от «партии-государства» и административно-командной системы управления неадекватных новой действительности институтов, организаций и правил поведения (последнее в условиях преобразований становилось особенно важным) затрудняло социальный прогресс. Опыт первого десятилетия увлечения нелиберальными концепциями и ориентации на навязываемый со стороны ряда международных организаций (МВФ, Всемирного банка и др.) комплекс стабилизационных мер, основанных на Вашингтонском консенсусе, показали, что принятое направление преобразований повлекло за собой множество негативных последствий. Глубокая экономическая рецессия, внешние долги, лимитирующие социальные расходы, и коррупция ограничили бюджетное финансирование социаль-

ных программ и стали причиной социальных трудностей. Социальные расходы государства, уровень социального обеспечения и качество жизни населения (жилищные условия, уровень медицинского обслуживания, продолжительность жизни, качество и доступность образования) повсеместно и существенно снизились, хотя и в различной степени. Падение жизненного уровня и рост безработицы стали повсеместными.

Образованная в Польше в 1999 г. новая партия «Союз демократических левых сил» (СДЛС) одной из первых приняла на I Конгрессе декларацию «Наши традиции и ценности». В ней общество ориентировалось на совершенствование правового государства как государства социального, нацеленного на разрешение социальных противоречий и конфликтов путем общественного диалога и эффективных переговоров, укрепления структур и практик гражданского общества. Утверждая правопорядок, диктуемый условиями принятия в Евросоюз, Польша приняла сотни законов и исполнительных актов, создала институты, призванные обеспечить их осуществление, чтобы гарантировать защиту интересов всех социальных групп, в том числе меньшинств, создание необходимых государственных механизмов и самоуправленческих структур, делающих возможным достижение консенсуса в случае возникновения конфликтов, и т. д. Выступая 4 февраля 2001 г., в преддверии очередных парламентских выборов, председатель СДЛС Лешек Миллер заявил: «Полякам нужно более дешевое, доброжелательное по отношению к людям, более эффективное и результативное в своей деятельности государство. Сегодня такого государства еще нет. <...> С этим пора кончать» (Miller 2001: 7). После прихода левых к власти, в апреле 1995 г., на IV Всепольской конференции СДРП президент А. Квасьневский предложил внести в ее программу постулат социальной справедливости и проводить активную социальную политику. Действия в этом направлении предпринимались, но колебания политического маятника пресекали движение Польши к социальному государству. После возвращения левых к власти на заседании Совета социально-экономической стратегии вновь обсуждался вопрос о будущем характере польского государства, поскольку положение Конституции, согласно которому в основу общественного строя должна быть положена социально ориентиро-

ванная экономика, на практике не реализовалось. В польской прессе развернулась дискуссия по поводу того, может ли эта страна позволить себе иметь социальное государство. Видный деятель Союза труда (СТ), проректор Высшей социально-экономической школы в Варшаве профессор Т. Ковалик убедительно доказывал, что, напротив, Польша *не может себе позволить отказаться* от социального государства. Вопреки записанным в Конституции принципам социальной справедливости и солидарности, ориентации на максимально возможную занятость и социальную рыночную экономику, констатировал он, социальные услуги в Польше находятся на минимальном для Европы уровне.

Ни Конституция, ни соответствующие законы на деле не гарантировали социальные права и не спасли население от самой высокой в регионе длительной безработицы. Левое правительство решило пересмотреть принятую неolibеральную модель, расширить организационно-управленческие компетенции государства и значительно укрепить роль правительства, использовать средства и механизмы, необходимые для поддержания рационального экономического развития, успешной борьбы с безработицей и нуждой. Левым политикам нередко приходилось исправлять просчеты, допущенные другими политическими силами, их предшественниками, возвращать государству ответственность за формирование политики в области здравоохранения, функционирование пенсионной системы, системы страхования и т. д. И в теории, и на практике они постарались увязать ускорение экономического развития страны с решением важнейших социальных задач, укреплением социальной, образовательной и культурно-воспитательной функций государства. При этом, как правило, они не ослабляли усилий по проведению социальной политики в Евросоюзе, не следуя исключительно настроениям чиновников ЕС, но стимулируя активность в этой области собственного государства и правительства. Те страны региона, которые действовали именно так, сумели добиться быстрого и эффективного роста производства.

Наряду с Польшей в лучшем положении оказались Чехия, Венгрия, Словения и Словакия, которые согласовали свои институциональные решения с требованиями Евросоюза в сфере проведения структурных перемен, компетентной, конкурентоспособной поли-

тики сильного государства, поддержки и корректирования им рыночных механизмов и решения социальных задач, в том числе «справедливого распределения общественного продукта» (Sadowski 2002: 9).

В большинстве стран Юго-Восточной Европы, где была сделана ставка на спонтанное обновление государственных структур и формирование новых институтов, а также на стихийные рыночные силы, системные реформы забуксовали. Не произошло реального экономического роста – общественный сектор сокращался быстрее, чем формировались рыночные институты. Набирали силу олигархические группы и «серый» сегмент экономики, происходила криминализация народного хозяйства, снижалась экономическая эффективность трансформации и ее поддержка обществом. Рост неподотчетных законодательству транснациональных корпораций расширял сферу безответственности в отношении социального обеспечения граждан. Социальная сфера все более задвигалась на задний план, схема социального обеспечения становилась менее эффективной, хотя была призвана взять на себя предотвращение угроз при проведении реформ по внедрению рыночной экономики и демократизации общества. Социальная сфера, как и общественное сознание в целом, в большинстве случаев еще не была готова, не приспособилась к новым реалиям.

XX век заканчивался с удовлетворительными итогами в сфере развертывания системной трансформации и становления социального правового государства. По мере адаптации законодательства ЕС, периодической смены расстановки сил на политической арене с преобладанием «поправения», изменения практики хозяйствования и проведения социальной политики страны региона в большей или меньшей степени перешли от тотального этатизма к рыночной экономике и социально-политическому плюрализму. Одновременно они старались сохранить прежние социальные завоевания, хотя социальная сфера во все большей мере становилась продолжением рыночной экономики.

Однако в период преобладания правых и правоцентристских режимов, прохождения через этап приоритетной либерализации и первоначального накопления ни одной из стран региона не удалось

быстро достичь оптимального баланса между рыночными и централизованными механизмами. Не удалось полностью преодолеть спонтанность и хаотичность процессов, хотя власти этих стран опирались на правовые установки и рекомендации Евросоюза, предписывающие разрешение проблем на базе принципов нового конституционного права и законодательства, принципов «социального качества», распространяющихся на все сферы политики в целях обеспечения оптимального социального развития правового государства. В большинстве государств социальные преобразования носили неорганизованный, стихийный и хаотичный характер, в сферах здравоохранения и образования внедрялись элементы рыночной экономики. Изменения в пенсионной схеме и шаги к адресной социальной политике не были системными, льготы или сокращались, или вообще ликвидировались. Даже при том или ином сохранении социальных гарантий их реальное содержание снижалось.

Согласно рекомендациям Евросоюза развернулся и широко проводился интенсивный социальный диалог между представителями государства, наемных работников и предпринимателей по программе борьбы с нищетой, стимулирования роста занятости, инвестиций в образование, повышения квалификации и мобильности рабочей силы, создания оптимальных систем социального обеспечения. Развернулся поиск более эффективных путей взаимодействия властных структур, справедливого распределения результатов экономического роста и формирования адекватных новым условиям методов разработки социальных проектов – от ускорения процессов демократизации и развития сетевых институтов неправительственного гражданского общества (Цирель 2007) до активизации социального партнерства – взаимодействия представителей трудящихся (профсоюзов), предпринимателей и государственных структур (Дегтярь 2005: 37).

Реформы начала XXI в.

В начале XXI в. страны ЦВЮВЕ – Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Сербия, Болгария, Словакия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Македония и Черногория – с общей численностью населения на март 2017 г. более 122 млн человек стали

членами или кандидатами в члены Европейского союза и с переменным успехом продвигаются по пути решения важнейших социальных задач. Этот процесс периодически осложняется: уже второе десятилетие чередуются финансовые кризисы и периоды ремиссий. Регион пережил более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов мира. Уровень безработицы подскочил к 2010 г. в прибалтийских странах и Словакии до 15–20 %, а в остальных странах – до 7–12 %. Реальные доходы населения существенно снизились. Бывшие социалистические страны оказались перед лицом вызовов, которые поставили под сомнение господствовавшие на протяжении трех десятилетий принципы экономического либерализма, легшие в основу рецептов Вашингтонского консенсуса, по которым осуществлялась общественно-экономическая трансформация в европейских постсоциалистических странах. Им пришлось искать свои пути достижения экономического и социального прогресса.

От кризиса 2008–2009 гг. особенно сильно пострадали Венгрия и страны Балкан. Правительства и парламенты стран региона старались не допустить углубления этого процесса. Государственные структуры при росте безработицы стали применять гибкие формы адаптации к спаду производства: прекращение массовых увольнений, раньше редко применяемое заключение договорных отношений, неполный рабочий день. Были введены в действие новые методы индексации пенсий, изменение пенсионного возраста, сохранение рабочих мест за счет выплаты краткосрочных пособий для занятых неполную неделю или находящихся в неоплачиваемых отпусках. Предпринимались меры для поддержки безработных беспроцентными займами, специальными фондами, создавались курсы для профессионального переучивания безработных и возвращения работников на рынок труда. Поддерживался уровень дохода для наиболее уязвимых групп населения – многодетных и одиноких матерей, а также малообеспеченных пенсионеров. Предпринимались шаги для поддержания равенства социальных прав – равной платы за труд и справедливых условий труда, социального обеспечения, охраны здоровья, медицинской помощи и т. д. В итоге в течение 2010 г. государствам региона ЦВЮВЕ в основном удалось отказаться от политики ограничения до минимума организующей

роли государства, сохранить относительную социально-экономическую и политическую стабильность, вернуться к использованию эффективных институтов социальной помощи. В Центрально-Восточной Европе экономический рост ускорился во всех без исключения странах, важную роль в этом играли социальная политика государства и благоприятная динамика рынка труда. Новая волна мирового финансового кризиса начала следующего десятилетия усугубила социальные проблемы и способствовала активизации правопопулистских сил. В Венгрии и Польше эти силы сумели предложить своим странам действенный выход из кризиса – развернули курс на пересмотр правовых основ государства, одновременно манипулируя социальными настроениями общества и широкообещательными социальными обещаниями «лучшей жизни». Эти страны в посткризисный период вновь показали наибольшее ускорение экономического роста, и его самые высокие темпы среди стран Центрально-Восточной Европы – 3,6 и 3,3 % соответственно.

Венгрия была единственной страной региона, где значительное ускорение росту ВВП придало увеличение государственных расходов, существенно подпитывавшее потребление. Дополнительную поддержку оказал фактор ускоренного предоставления средств из фондов ЕС, а также всемерное привлечение в экономику страны иностранного, главным образом западного капитала, с помощью которого удалось обеспечить коренную структурную трансформацию экономики, повысить технический уровень ключевых отраслей промышленности, ускорить темпы экономического развития. Одновременно более глубокой стала интеграция экономики страны с мировым хозяйством, позволившая ей выйти в лидеры среди кандидатов на вступление в Евросоюз. Следует, однако, особо подчеркнуть, что доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП страны достигла к рубежу веков 50 %, намного превысив безопасный оптимум в 30 %. Это сделало венгерскую экономику весьма уязвимой и зависимой от политики нескольких крупнейших ТНК. Более 80 % банковского капитала тогда было в собственности иностранных инвесторов. В условиях кризиса страна оказалась втянутой в пучину депрессии и стагнации, вырваться из которой ей, несмотря на предпринимаемые усилия, до сих пор не удалось. Венгрия переживает последствия мирового кризиса тя-

желее других стран региона (Куликова 2016: 91, 93), по прошествии 10 лет после вступления в ЕС полностью утратив здесь лидирующие позиции. За порогом бедности в 2012 г. оказались 17 % венгерского населения против 12,6 % по итогам 2007 г. В 2013 г. около 40 % населения имели доходы ниже прожиточного уровня. При этом если в 2009 г. эта категория населения имела доходы в среднем на 22 % ниже официально признанной черты бедности, то в 2012 г. – уже на 26 %.

Возможностей для реализации социальных программ венгерское правительство не получило, хотя с 2013 г. отмечался небольшой рост производства в промышленности. Лишь десятая часть предприятий сумела воспользоваться преимуществами единого фронта ЕС. В начале 2014 г. – в посткризисный период – стало ясно, что приближения к среднеевропейскому уровню не произошло, конкурентоспособность падает, средний класс слабеет. Бедность распространяется как вширь, так и вглубь. Если в 2004 г. страна была по уровню зарплаты на первом месте в регионе, то теперь ее стали опережать Чехия (особенно – в два раза – зарплата врачей) и Словакия (Волотов О. Г., Волотов С. О. 2016: 81). Около 40 % населения имеют доходы ниже прожиточного минимума. Жилье постоянно дорожает. Коммунальные платежи превышают 35 % доходов. Вместе с тем большинство венгров – за сохранение членства в ЕС, поскольку величина финансовых трансфертов в эту страну достигла в 2015 г. 6 % ВВП при средней в регионе 2–2,5 %. Венгрия сумела погасить последнюю часть заимствований кризисных лет, но решение социальных задач пришлось отложить, заменив его на время широковещательными обещаниями.

В **Польше**, где была реализована наиболее удачная модель трансформации, социальное государство вело более гибкую и эффективную политику. Преобразования охватили пенсионную систему, образование, здравоохранение, социальную помощь и социальное обслуживание. В 2014 г. Польша заняла 31-е место по качеству жизни населения из 142 стран мира (Синицына, Чудакова 2016: 161).

Хотя в 2014 г. произошло замораживание заработной платы и социальных выплат для всех категорий бюджетников, четырехлетняя тенденция нарастания количества банкротств была приостановлена.

новлена. Усилиями государства оно сократилось в промышленности на 14 %, в строительстве – на 21 % и в торговле – на 6 %. Меры правительства по поддержанию занятости способствовали резкому, на 48 %, снижению задолженности национальных предприятий. Одновременно росла занятость в сфере администрирования и поддержки бизнеса, в водном хозяйстве и рекультивации земель (на 2,4 %), в сфере информационных и коммуникационных технологий (на 3,1 %), в области специализированной и научно-технической деятельности (на 7,1 %). В конце 2014 г. было зарегистрировано на 15,4 % меньше безработных, чем в конце 2013 г. Средний уровень зарегистрированной безработицы составил 11,5 % (по методике МОТ – 9,7 % против 10,3 % в 2013 г.). Несколько снизились и данные безработицы среди молодежи, которая оставалась высокой (16,5 %). Общая численность безработной молодежи сократилась в течение года на 24,7 %. Однако росла застойная безработица: доля лиц, не работающих более года, в общей численности зарегистрированных безработных составила 57,7 %. Увеличилась доля безработных, утративших право на получение пособий по безработице (89,7 %). Мобильность на рынке труда сдерживалась, в частности, особой системой пенсионного обеспечения шахтеров и льготной системой налогообложения для них, а также высоким уровнем дотаций для системы социального обеспечения и льготного налогообложения крестьян.

Важные меры были приняты в сфере образования – восстановление системы среднетехнических учебных заведений для подготовки квалифицированной рабочей силы с учетом спроса на рынке труда, а также повышения квалификации работников возрастных категорий, особенно женщин. Среднемесячная номинальная заработная плата в реальном секторе экономики в 2014 г. росла на 3,7 % быстрее, чем в 2013 г. Номинальная величина средней пенсии и пособий увеличилась на 3,6 %, номинальные среднемесячные выплаты и их реальное содержание в системе пенсионного обеспечения крестьян – на 2,0 %. Величина пособия по безработице (без учета страховых взносов) выросла на 12,5 %. Опережающий по сравнению с ВВП рост заработной платы, пенсий и социальных пособий стал возможным, поскольку реализовалась политика сбалансированности публичных финансов, с одной стороны, и выполне-

ния социальных обязательств перед населением – с другой. В Польше эта политика оправдывала себя: хотя дефицит сектора публичных финансов в последние годы иногда превышал средний уровень дефицита по странам ЕС, рост объема публичного долга был одним из самых низких. Несмотря на заметный прогресс в экономическом развитии, доходы 17 % поляков были на грани бедности, а 5,7 % – в зоне крайней бедности (ниже минимума выживания). В состоянии крайней бедности находились 34 % многодетных семей (с четырьмя и более детьми). Эти показатели выше, чем в среднем в странах ЕС, и не менялись в течение более четырех лет, что было одной из основных проблем государственной социальной политики (Куликова 2016: 203).

Ситуация кардинально поменялась, когда польское общество недоценило важность участия в избирательных кампаниях 2015 г., что позволило прийти к власти правоконсервативным популистским силам голосами всего 18 % избирателей. Партия «Право и справедливость» обеспечила себе политическую поддержку масс при помощи мифологемы «будет лучше», подкрепленной широко-вещательными социальными обещаниями при снижении темпов экономического развития. Был взят курс не на инвестирование, а на стимулирование потребления без покрытия. При дефиците финансов и увеличении государственного долга проводились кампании по систематической выплате денежных пособий детям (оказалось, что с исключением матерей-одиночек) и единовременных – школьникам к новому учебному году. Выдавались бесплатные лекарства для стариков (однако по узкому списку), велось строительство дешевого жилья для молодежи, был снижен пенсионный возраст и повышен минимальный размер пенсий, увеличены пособия по безработице и минимальная оплата труда. Все это и многое другое стимулировало новый кризис и создавало реальную угрозу обновления в ЕС против Польши штрафной процедуры чрезмерного дефицита. Одновременно начались массовое увольнение учителей, сокращение зарплат бюджетников и прочие репрессивные акции. Уже по опросам конца 2015 г. стало очевидно: до 71 % польского населения считает, что деятели этой правопопулистской партии присвоили себе принадлежащую народу власть (заманив его невыполнимыми посулами) вместо того, чтобы действительно

реализовать оптимальную социальную политику (Jarosz, Kozak 2016: 18, 26; Сеницына, Чудакова 2018: 94–95).

Под воздействием польского опыта популистская политика и популистские настроения общества стали распространяться и на общественность соседних государств региона Центрально- и Юго-Восточной Европы (Яжборовская 2016: 222–242).

Чехия решала проблемы достижения экономического роста без спешки, за счет оптимизации внутренних возможностей и финансовой поддержки ЕС. Чешские реформаторы уже на начальном этапе трансформации для обеспечения ее социальной базы реализовали широкий комплекс мер по социальной защите населения, разработав специальный сценарий реформы – самую дорогую в финансовом отношении социальную программу за весь послевоенный период. Заметим, что в этой стране уровень социальных гарантий и до того был выше, чем в других странах. Уровень бедности при среднем показателе по ЕС 17 % составлял в этой стране около 9 %. Чехия взяла курс на амбициозную полную либерализацию экономики, дабы к 2020 г. войти в первую двадцатку конкурентоспособных стран мира. Движение по пути опережающих экономический рост расходов госбюджета привело, однако, к усилению несбалансированности государственных финансов, снижению социальных гарантий и увеличению социального расслоения.

Государству пришлось встать на путь некоторого секвестрирования своих социальных обязательств в отношении гарантий для нетрудоспособных и неимущих слоев населения. Чешская социальная система перестает быть инструментом профилактики бедности (Кузнецова 2016: 323). По требованию Еврокомиссии пришлось включить налоговую политику в число важнейших антикризисных инструментов: в 2008–2010 гг. в стране была проведена радикальная реформа налоговой системы. В налоговое законодательство были внесены изменения, включающие переход от прогрессивной к плоской шкале налогообложения доходов физических лиц и изменение механизма исчисления налоговой базы по подоходному налогу. На период 2013–2015 гг. был введен в качестве временного дополнительный, так называемый солидарный налог в размере 7 % на доходы физических лиц, временно отменена регрессивная шкала доходов для исчисления страховых взносов в фонды медицинского

страхования; снижены предельные значения доходов для исчисления взносов в фонды пенсионного страхования; временно ограничена индексация пенсий: на 1/3 повышения средней заработной платы и на 1/3 роста инфляции. Страна постепенно выходит из самой продолжительной рецессии на траекторию экономического роста. В рейтинге глобальной конкурентоспособности Мирового экономического форума за 2014–2015 гг. Чехия поднялась с 46-го места в 2013 г. на 36-е в 2014 г. Возобновление экономического роста проявилось в создании новых рабочих мест в народном хозяйстве и положительной динамике занятости, в снижении безработицы и повышении средней заработной платы. Опережающими темпами росла занятость работающих без заключения трудовых договоров. Количество безработных в 2014 г. по сравнению с 2013 г. уменьшилось на 12,3 %, а уровень безработицы трудоспособных лиц снизился с 7,0 % в 2013 г. до 6,2 % в 2014 г. – он заметно ниже, чем в среднем в ЕС (10,2 %) (Куликова 2016: 334).

В 2016 г. правительство страны перешло к политике жесткой бюджетной экономии (в основном за счет урезания социальных статей бюджета), активного использования налоговой политики (в основном за счет налогов на потребление), диверсификации источников финансирования пенсионной системы и системы здравоохранения в виде расширения платных медицинских услуг. Социальные расходы государства приносились в жертву политике снижения административными методами нагрузки на госбюджет.

В правительственной социальной политике по преодолению кризиса на рынке труда особое внимание уделяется решению проблемы занятости молодежи. В 2013 г. была запущена программа государственной финансовой поддержки работодателей, создающих рабочие места для выпускников школ, зарегистрированных на бирже труда длительно безработных, лиц старше 50 лет и женщин с детьми, вышедших из декретного отпуска. Работодатели, создавшие новые рабочие места для этой категории работников, могут рассчитывать на налоговые льготы по ускоренной амортизации оборудования и освобождение от взносов в фонды социального страхования на период 12 месяцев. На помощь государства могут рассчитывать малые и средние предприятия, выручка которых за последние три месяца уменьшилась на 20 %. Работодатель может

получить на нового работника в возрасте до 30 лет государственную дотацию и одноразовую дотацию на оснащение нового рабочего места, переквалификацию выпускников вузов и т. д. В 2013 г. был образован фонд поддержки начинающих молодых предпринимателей, пополняемый за счет дотаций ЕС и бюджетных средств. В результате динамика чешской промышленности в 2016 г. превысила уровень ЕС. Уровень безработицы снизился до 3,6 %, самого низкого значения с 2008 г. (Орлик 2017: 273).

Главными приоритетами рациональной государственной политики занятости в Чехии являются расширение гибких форм занятости, повышение мобильности рынка труда, создание условий для более позднего выхода на пенсию с использованием механизмов экономического стимулирования трудовой активности лиц постпенсионного возраста; повышение мобильности рынка труда, переквалификация рабочей силы в соответствии с современными требованиями перехода к инновационной экономике. Чешские предприниматели отдают предпочтение трудящимся, работающим полный рабочий день, поскольку это выгоднее в финансовом отношении. Чтобы заинтересовать предпринимателей в предоставлении работы социально уязвимым категориям на рынке труда, таким как инвалиды, женщины в декретном отпуске, пенсионеры и выпускники высших учебных заведений, правительство снижает им страховые отчисления, что вернется в форме снижения объема социальных выплат. Возобновился рост реальной заработной платы. Чешские экономисты считают, что правительство излишне ужесточило бюджетную политику (Там же: 337–339). С начала 2015 г. трехсторонним соглашением правительства, профсоюзов и предпринимателей был повышен размер минимальной заработной платы.

Принятая в Чехии концепция развития рынка труда базируется на реализации внутренних источников рабочей силы путем постепенного повышения пенсионного возраста, увязанного со средней продолжительностью жизни и так называемой «здоровой жизни»; повышения трудового стажа, необходимого для начисления пенсии; создания условий для более позднего выхода на пенсию с использованием механизмов экономического стимулирования трудовой активности лиц постпенсионного возраста; расширения более

гибких форм трудовой занятости (временные трудовые договоры, работа на дому, неполный рабочий день и т. п.), повышения мобильности рынка труда (Орлик 2017: 274). В результате, взяв курс на инновационное развитие, Чехия при дефиците рабочей силы старается принимать у себя только высококвалифицированных трудовых мигрантов.

Словакия реализовала социальную политику в рамках единого государства с Чехией, чтобы затем продолжить ее в новом, самостоятельном государстве. Перед кризисом 2007–2008 гг. страна смогла ввиду развитой промышленности, экспортной направленности экономики и стабильной финансовой сферы достичь самого высокого темпа роста ВВП в еврозоне, несмотря на низкий уровень жизни населения и дешевизну рабочей силы. Экономический рост после значительного замедления в 2012–2013 гг. вернулся с 2014 г. к более высокому темпу – 2,4 %. Он стал в большей степени опираться на внутренний спрос, причем потребление и увеличение инвестиций при поддержке ЕС способствовали ему в равной мере.

Потребление же выросло благодаря целенаправленной социальной поддержке со стороны государства – повышению номинальной заработной платы, которое в условиях практически не изменившихся цен привело к увеличению реальных доходов домохозяйств. Государственная политика занятости компенсировала трехлетнее падение в период кризиса увеличением на 1,8 % занятости в государственном секторе: в органах центральной власти и оборонном секторе она выросла на 1,4 %, в образовании – на 0,7 %, в здравоохранении – на 3,6 %. Численность безработных уменьшилась на 7,1 %, а среднегодовой уровень безработицы снизился на 1 % – до 13,2 %. Уровень зарегистрированной безработицы снизился до 12,8 %. Годовой темп прироста среднемесячной номинальной заработной платы в 2014 г. повысился до 4,1 %. Поскольку уровень цен в 2014 г. снизился, рост реальной заработной платы превысил рост номинальной. С начала 2014 г., когда снижение цен на энергоносители дополнялось снижением цен на продукты питания, домохозяйства начали больше тратить на потребление (Куликова 2016: 274–275, 308–311). Средняя зарплата в экономике выросла в 2016 г. еще на 3,3 % (реальная практически достигла уровня докризисного периода), потребление домашних хозяйств – на 2,9 %, достигнув

самых высоких показателей за послекризисный период. Расходы на здравоохранение возросли (Орлик 2017: 209). Социальные задачи стали решаться успешнее.

В государствах Юго-Восточной Европы спад периода системной трансформации был особенно сильно осложнен проблемами глобального экономического и финансового кризиса и медленного, неустойчивого восстановления экономики после него. Стимулом постепенного экономического роста в ряде этих стран становилось повышение внутреннего спроса, в других – увеличение экспорта, а в третьих он почти не проявился из-за последствий разного рода природных катаклизмов.

В **Болгарии** реформирование экономики началось в условиях высокой инфляции и дефицита госбюджета, а также большого объема внешнего долга. Постоянная политическая нестабильность, досрочные выборы и смена правительств порождали неуверенность в направлениях развития экономики и сдерживали хозяйственную активность. Однако докризисный уровень экономического развития долго был недостижимым: страна оставалась самой бедной в субрегионе, с почасовой оплатой труда в 2013 г. в 6 раз ниже, чем в ЕС. В условиях длительной политической нестабильности и хрупкого баланса интересов различных политических сил некоторое оживление внутреннего спроса обеспечивало лишь минимальное повышение ВВП, хотя вопрос о социальных реформах не сходил с повестки дня.

Еще в 2014 г. реформы буксовали в ряде жизненно важных для страны сфер. Теневая экономика и недекларированная занятость оставались на высоком уровне. Состояние бизнес-среды не способствовало развитию малых и средних предприятий, определяющих рост занятости и добавленной стоимости. Происходили обеднение значительной части населения и снижение качества жизни. Еврокомиссия считала серьезной проблемой нахождение в зоне риска бедности 41 % населения (Там же: 60).

Периодически усиливалась социальная напряженность, причинами которой были возросшая до 12,9 % структурная безработица (молодежная – до 28,4 %), низкие доходы, недовольство населения плачевным состоянием ЖКХ, здравоохранения и образования, распространением коррупции. Это стало основой массовых граждан-

ских протестов, вызывавших политические кризисы и антиправительственные выступления с требованием гарантировать проведение свободных, демократических выборов в парламент. Протестующие выражали недовольство социальной несправедливостью, требовали усиления контроля над монополиями. Левый президент Р. Плевнелиев признал, что проблема заключается в невыполнении политиками обещаний построения социального государства, неэффективности государственных институтов и низком доверии к ним (Куликова 2016: 68). Ситуацию осложняло сохранявшееся равновесие сил левых и правых политических блоков, что не позволяло формировать более дееспособное правительство. Поэтому была реализована идея создания программно-экспертного кабинета. Он был сформирован по мандату Болгарской соцпартии и поддержан Движением турецкого национального меньшинства, поэтому взял курс на диалог с социальными партнерами и гражданскими формированиями, внедрение неотложных социально-экономических мер, касающихся улучшения жизненного уровня населения и демократизации управления. Удалось остановить спад экономики, усилить социальные аспекты политики, активность реформированных публичных секторов: здравоохранения, образования, администрации.

В 2014 г. темпы прироста ВВП несколько повысились благодаря постепенному улучшению ситуации на рынке труда, снижению цен и увеличению инвестиций в финансируемые ЕС проекты. Но более половины пенсионеров получали пенсию ниже прожиточного минимума. Государственные расходы на здравоохранение составляли около 4 % к ВВП при 7,3 % в ЕС. В результате широкомасштабной эмиграции, особенно молодежи, за рубежом работает больше болгар, чем в пределах страны (Валева, Шабунина 2016: 59–60). Еще в начале 2017 г. только 24 % болгар считали, что после вступления в ЕС ситуация в стране улучшилась. В качестве основных проблем 56 % респондентов указывали низкие доходы, 48 % – коррупцию (в 2016 г. эта страна была признана самой коррумпированной в ЕС), 35 % – эмиграцию молодежи и 27 % – несоблюдение законов (Орлик 2017: 59–60).

Для одной из самых бедных стран ЕС **Румынии**, руководствовавшейся принципами Вашингтонского консенсуса, трудный выход из кризиса и рецессии 2009–2012 гг. растянулся на несколько

лет, потребовавшихся для структурной перестройки и совершенствования правовых устоев государства, политической системы и социально-экономических отношений. Страна с множеством партийно-политических и общественных организаций, занятых постоянным противоборством, пошла по пути инерционного развития. Ее политическое поле раздиралось группировками партий различной ориентации с весьма противоречивыми представлениями о желательной трансформации государственных структур и перспективах дальнейшего развития.

По душевому производству ВВП Румыния отстает от развитых стран ЕС почти в 2,5 раза (Саморукова, Фейт 2016: 169, 187). В ходе рыночных реформ Румыния, как и другие страны – члены ЕС, подписала Европейскую энергетическую программу и продолжала свертывание одних и оживление других отраслей экономики. В рамках общей аграрной политики ЕС она продолжала приводить политику в соответствие с требованиями Евросоюза. Вместе с тем левые у власти снижали цены и налоги, вводили различные льготы для уязвимых слоев населения – студентов, многодетных семей и инвалидов. С 2014 г. неоднократно повышалась зарплата бюджетников, улучшилось положение пенсионеров и стабилизировался потребительский спрос.

Увеличившаяся за два с лишним десятилетия реформ социальная поляризация, появление широких слоев социально незащищенных граждан обострили в Румынии проблему бедности. В 2014 г. к категории бедных относились до 20 % занятого населения. Хотя занятость после кризиса и охватила более 60 % лиц продуктивного возраста, в социальной сфере сохраняется комплекс проблем, связанных с трудовой эмиграцией (до 25–30 % населения). Падение рождаемости обусловило старение населения, и в 2014 г. численность пенсионеров впервые превысила численность работающих. Низкий уровень оплаты труда остается одной из самых острых социальных проблем. В 2014 г. минимальная оплата труда составляла 40 % от среднего уровня – ниже норматива в 60 %, установленного Социальной хартией ЕС. Из числа получающих минимальную зарплату 70 % – бюджетники. Профсоюзы требуют пересмотреть закон 2011 г. о социальном диалоге, тормозящий развитие социальной политики (Куликова 2016: 189, 199–200).

Оптимизация румынского государства как социального еще впереди. Социал-демократическая партия разработала в 2017 г. программу социально-экономического развития страны на 2017–2020 гг. Она предполагает реиндустриализацию на базе передовых технологий, отстаивание государством в социальной сфере принципа справедливости, повышение к 2020-м гг. доли оплаты труда с 32–34 % ВВП до 40 % ВВП (Орлик 2017: 186–187).

Югославия к началу 1990-х гг. после роста ВВП на 2,6 % была одной из наиболее развитых стран социализма, но межэтнические конфликты и распад СФРЮ, а затем и Союзной республики Югославия резко снизили потенциал ее самой мощной республики – **Сербии**. Стихийные бедствия 2014 г. нанесли новый большой урон жизненно важным секторам экономики. Страна вошла в полосу экономической рецессии с сокращением ВВП на 1,8 %. 40 % опрошенных считают, что уровень жизни падает. Около 60 % населения страны продолжали получать от государства различные виды социальной помощи в виде льгот, выплат и т. д., при этом пенсионеры оставались социально уязвимой категорией населения. На грани вхождения в зону бедности оказались работники с низкой оплатой труда, многодетные семьи, лица без образования и др. Проведенный в конце 2014 г. опрос показал, что в стране живется хуже, чем в 1989 г. Так считали 40 % респондентов (у лиц старше 50 лет этот показатель превысил 50 %). Очень высока была доля недовольных изменениями в здравоохранении (51 %), образовании (60 %), сельском хозяйстве (62 %) и особенно промышленности (67 %). Острота ситуации вызывала протесты профсоюзов, которые в сентябре 2014 г. потребовали пересмотреть закон 2011 г. о социальном диалоге, прекратить политику, превращающую «наемных работников в современных рабов» (Лобанов 2016: 232–233, 235). Одной из основных социальных проблем Сербии остается высокий уровень безработицы. В рамках антикризисной политики власти вынуждены делать выбор между оздоровлением сферы государственных финансов и стимулированием внутреннего спроса, в том числе за счет численности занятых. Массовые сокращения рабочих мест с 2013 г. проводятся ежегодно, а их число уменьшилось в 2007–2014 гг. с 2 до 1,7 млн человек. Официальные показатели безработицы в докризисный период составляли 17–19 %, к концу 2012 г. –

23,9 %, после чего в 2014 г. показатель снизился до 18,9 %. Безработных среди молодежи в 2013 г. было 49,7 %. По состоянию на 2015 г. Сербия заняла шестое место среди стран Европы по уровню официально зарегистрированной безработицы, которая имеет застойный характер, а при учете незарегистрированных этот показатель может достигать даже 30–35 %. Уровень бедности в стране в 2003 г. составлял 14 %, а в середине 2010-х гг. – лишь несколько выше 10 %.

В период кризисов обострился вопрос об уровне заработной платы, который является одним из самых низких в Европе. Между тем новый Закон о труде отвечает интересам работодателей, рядовых же работников ущемляет в правах. В конце 2013 г. решение правительства о запрете создания новых рабочих мест в государственном секторе спровоцировало дополнительную напряженность на рынке труда. Бизнес традиционно использует для ухода от налогообложения схемы теневой занятости – зарплату в конвертах периодически получают 47 % работающих, а регулярно – более 16 %. Правительство пытается преодолеть последствия кризиса, бюджетную несбалансированность, напряженность на рынке труда и общее снижение жизненных стандартов (Лобанов 2016: 202–204), но не очень успешно.

В **Хорватии** поступательный ход посттрансформационного развития шел в умеренном темпе, а спад 2009 г. оказался одним из самых глубоких в Европе с продолжением рецессии до 2015 г. Занятость в 2016 г. составляла лишь 44,6 %. Личное потребление, которое в 2009–2014 гг. непрерывно снижалось, повысилось в 2015 г. на 1,2 % и в 2016 г. на 3,1 %. Вступившая в ЕС в июне 2013 г. страна связывает свои перспективы с общеевропейской Долгосрочной рамочной программой на 2014–2020 гг. (Орлик 2017: 50–51).

В соседней **Черногории** экономическое развитие и оптимизация социальной политики в последние годы были подорваны интенсивными стихийными бедствиями. Темпы прироста ВВП по сравнению с 2013 г. снизились втрое и выравниваются с трудом.

Наиболее благополучная из стран Юго-Восточной Европы, отличающаяся оптимальной сбалансированностью экономики **Словения**, спокойно прошедшая период системной трансформации, после пяти кризисных лет с чередованием экономического спада

и застоя, за которые ВВП сократился на 10 %, продемонстрировала на выходе из кризиса рост ВВП на 2,6 %. Его источниками послужили как внутренний спрос, так и традиционный для этой страны экспорт.

Конституция провозгласила государство социальным, и оно действительно тратит значительную долю средств бюджета на социальные нужды: в 2008–2009 гг. 17 %, а на здравоохранение – 6,7 % ВВП (на оборону – всего 1,5 %). В расчете на одного человека реальные доходы выросли с 1995 по 2009 г. на 46 %, пятая часть доходов получается за счет различных социальных трансфертов: пенсий по старости и инвалидности, семейных и детских пособий, выплат по больничным листам и пособий по безработице. Среднемесячная зарплата выросла с 1991 по 2010 г. на 79 %. Росту внутреннего спроса, среди прочих факторов, способствовали рациональная, продуманная политика, повышение доверия населения, финансируемые за счет средств ЕС инвестиции, а также задержка реструктуризации предприятий, поддерживавшая потребление.

Увеличить экспорт, несмотря на слабый спрос продукции страны на традиционном рынке еврозоны, помог оптимизм относительно перспектив выхода Словении из затянувшегося кризиса. Его основой стала уверенность в том, что страна находит действенные пути экономического оздоровления на основе консолидации финансового положения, реструктуризации собственности и улучшения управления на предприятиях, мобилизации внутренних источников финансирования инвестиций, повышения конкурентоспособности товаров и услуг на внешних рынках, возрастания конкурентоспособности в результате встреченного населением с доверием временного снижения заработной платы. Последовательная реализация такого курса должна вывести экономику на траекторию устойчивого роста и обеспечить постепенный переход от вынужденного режима строгой экономии к возобновлению прерванной кризисом прежней опробованной линии – постепенному повышению материального благосостояния и улучшению качества жизни населения. Средняя продолжительность жизни мужчин уже в 2009 г. достигла 76 лет, а женщин – 82 лет, что является показателем высокого качества жизни людей (Орлик 2017: 298–299, 303–334). Размер пенсий по старости в среднем

превышает 70 % заработной платы. Уровень безработицы в Словении невысок – даже в кризисном 2007 году она достигала всего 4,9 %, а в 2011 г. – 7 %. По итогам кризиса в 2008 г. за порогом бедности оказалось 12 % жителей. Сложнее стало преодолеть глубокую рецессию – следствие зависимости от внешних рынков, пострадавших от кризиса. Пришлось снизить зарплаты в госсекторе на 8 %. И впервые пришлось пережить преимущественное обслуживание внешних долгов, оздоровление кредитно-банковской системы и реальное сокращение доходов, добиваясь восстановления экономического роста (Князев 2016б: 285–288).

После распада Югославии ставшая в январе 1991 г. самостоятельной республика **Македония** прошла эволюционный путь от самоуправляющегося социализма до рыночной экономики и политического плюрализма при мощном деструктивном воздействии межнациональных конфликтов. В кризисные годы промышленность испытывала существенные колебания и долго не выходила из рецессии. Внутренний спрос в общественном секторе снизился из-за сокращения инвестиций и производственных запасов, а также вследствие уменьшения зарплат бюджетников и государственных расходов на оплату товаров и услуг. После спада прирост промышленного производства составил в 2013 г. 3,2 %. Однако производительность труда была все еще ниже уровня 2008 г. Уровень безработицы в Македонии в 2010 г., в период между двумя кризисами, составлял 32 %, в 2013 г. достиг 28,7 %, а в 2016 г. – своего исторического минимума, 23,7 %. При этом 83 % безработных были таковыми более одного года, а из них свыше 76 % остаются без работы более 4 лет. Рост занятости происходил в основном за счет сфер торговли, здравоохранения и социальных услуг (Орлик 2017: 132, 133).

Большую роль в этом играет реализация программы мер по повышению занятости. Реальная зарплата выросла в 2010 г. по сравнению с 1993 г. на 49 %, но за чертой бедности оставались 30,9 % жителей. Именно на решение этой проблемы нацелены меры государственной социальной политики по повышению занятости – выделению необходимых финансовых средств, определению их источников, уточнению целевых групп ищущих работу, проведению конкретных мероприятий с указанием сроков их выполнения.

Предпринимаемые правительством меры обеспечивают стимулирование качества рабочей силы путем обучения и переподготовки кадров, расширения спроса на рабочую силу (например, через организацию общественных работ), приближения рабочей силы к местам работы. Они направлены на смягчение жизненных трудностей, с которыми сталкиваются безработные, предусматривают выплату пособий по безработице, а также других социальных трансфертов из государственного бюджета для малоимущих. Новые рабочие места открываются в основном в свободных промышленных зонах, при помощи государственного финансирования строительных работ и притока туда иностранных инвестиций. Благодаря упрощению процедур при открытии собственного бизнеса на 25 % увеличилась численность самозанятых в сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте. Курс на социальное государство уже дает в Македонии реальные результаты (Князев 2016а).

Что касается **Албании**, то она только закладывает основы построения новой экономической системы и накапливает опыт рыночных преобразований, решает проблемы с идентификацией прав собственников и применением рыночных подходов к различным отраслям и секторам при высоком уровне неформальной занятости и т. п. Доступные показатели социальной сферы не демонстрируют улучшения жизненного уровня населения этой страны. Система поддержки безработных в ней слабая, широко распространены бюрократический произвол и коррупция, бедность городского населения значительно превышает деревенскую и т. д.

Следует признать, что страны региона ЦВЮВЕ в последнюю четверть века в условиях дифференциации внутри европейского постсоциалистического пространства хотя и в разном темпе, но продвигаются курсом на становление и укрепление социального правового государства. Поэтому они были и остаются весьма полезной лабораторией исследования различных вариантов системной трансформации постсоциалистических социальных государств разного масштаба, направления и моделей развития, а также взаимодействия внутренних и внешних факторов такой трансформации.

Литература

Валева, Т. Э., Шабунина, В. И. 2016. Парадоксы болгарской трансформации. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 44–74.

Волотов, О. Г., Волотов, С. О. 2016. Венгрия сегодня: при социализме было лучше? В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 75–103.

Глинкина, С. П., Чубарова, Т. В. 2005. Системная трансформация и социальная цена реформ. В: Глинкина, С. П., Чубарова, Т. В. (ред.), *Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ)*. М.: ИМЭПИ РАН. С. 13–21.

Дегтярь, Л. С. 2005. Взаимосвязь трансформационных процессов и основных социальных индикаторов (на примере постсоветских государств). В: Глинкина, С. П., Чубарова, Т. В. (ред.), *Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ)*. М.: ИМЭПИ РАН. С. 36–51.

Князев, Ю. К.

2016а. Македония: Перипетии самостоятельного развития. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 104–127.

2016б. Словения: неоднозначные результаты экономических реформ и участия в евроинтеграции. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 269–298.

Кузнецова, З. Н. 2016. Цели и результаты «бархатной революции». В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 297–332.

Куликова, Н. В. (отв. ред.) 2016. *Центрально-Восточная Европа: развитие в новых геополитических реалиях*. М.: Ин-т экономики РАН. 328 с.

Лобанов, М. М. 2016. Социально-экономические и политические трансформации в Сербии: через тернии к «звездам» Евросоюза. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Вос-*

точной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 200–238.

Орлик, И. И. (отв. ред.). 2017. *Восточный поворот во внешнеэкономической политике стран Центрально-Восточной Европы в условиях нарастающих кризисных явлений в Евросоюзе*. М.: Ин-т экономики РАН. 293 с.

Саморукова, А. Н., Фейт, Н. В. 2016. Трансформация в Румынии: от иллюзий к реальности. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 169–199.

Синицына, И. С., Чудакова, Н. А.

2016. Системная трансформация в Польше: трудный путь к успеху. В: Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (ред.), *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. С. 128–168.

2018. Современная Польша и российско-польские экономические отношения. *Россия и современный мир* 2: 89–109. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.07>.

Цирель, С. 2007. Ждем 2035 года. В: Клямкин, И. М. (ред.), *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М.: Новое изд-во. С. 476–478.

Яжборовская, И. С. 2016. Системная трансформация и кризисы в Центрально- и Юго-Восточной Европе. Современные социально-политические процессы в Польше. В: Михайленок, О. М. (ред.), *Политическое согласие: от теории к практике*. М.: Русайнс. С. 222–242.

Csaba, L. 2006. Social Change in Central and Eastern Europa: General Trends and National Patterns. *Tiger. Working Paper Series* 98. Warsaw: Centrum Badawcze Transformacji, Integracji i Globalizacji. 20 pp.

Jarosz, M., Kozak, M. W. 2016. *Poza Systemem Instytucje i Społeczeństwo*. Warsaw: Oficyna Naukowa. 244 p.

Miller, L. 2001. W obliczu wyborów parlamentarnych: najważniejsze zadania SLD. *Mysł Socjaldemokratyczna* 1: 7.

Rzeczpospolita. 1992. 24 kwiecień.

Sadowski, Z. 2002. Ustrój i polityka gospodarcza. *Dziś* 6: 9.